

«Повесть о Марфе и Марии» также генетически связана с «духовной повестью», с легендами о явлении икон и построении церквей. Однако совершенная неизученность литературной истории повести не позволяет с достаточной полнотой судить об этих связях и отклонении ее от агиографической нормы.

Повесть известна в нескольких вариантах, два из них изданы в «Памятниках старинной русской литературы»,¹⁰⁰ несколько отличный от них вариант опубликован в «Памятниках древней письменности»¹⁰¹ и М. О. Скрипилем.¹⁰²

Нам известно 12 списков повести, и специальные розыски без сомнения позволят обнаружить новые списки. Каковы же взаимоотношения списков повести и ее вариантов? Каков ее архетип? Ответ на все эти вопросы должно дать текстологическое исследование. Известно, что в некоторых списках повести (например, собрание Ундольского, № 411, и БАН, 17.9.15) сохранилось предисловие, полностью нигде не изданное,¹⁰³ в котором рассказывается «творческая история» ее создания.

Рассказ о явлении чудотворного креста вначале существовал в виде краткой записи о памятном событии («токмо на малей хартийце просто-речием, якоже поселяня написали и держажу памяти ради»¹⁰⁴), а затем по благословению архиепископа Рязанского и Муромского Моисея было написано «сказание».

Изучение текста повести в полном объеме позволяет и относительно точно определить время написания ее поздней редакции (в литературе обычно указывается на начало¹⁰⁵ или первую половину XVII в.¹⁰⁶ как на время создания повести): Моисей был архиепископом Рязани и Мурома с 10 января 1638 г. по 15 февраля 1651 г.;¹⁰⁷ очевидно, что в этот отрезок времени и было написано «Сказание».¹⁰⁸

Процесс разрушения старой агиографической формы своеобразно и сильно проявился в «Повести о Тверском Отроче монастыре», созданной в самом конце XVII—начале XVIII в. Интерес к человеческой личности и романическая фабула повести, народно-поэтическая основа многих ее образов значительно удаляют повесть от назидательной легенды об основании монастыря.

¹⁰⁰ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 55—57 и 58—59. I вариант переиздан Н. К. Гудзием в «Хрестоматии» (изд. 5-е. М., 1952, стр. 359—362).

¹⁰¹ Отрывок из сборника XVIII в. с лицевыми изображениями [изд. ОЛДП, СПб., 1877, лл. тип об.—тча (ПДП, XV)] (воспроизведены литографическими чернилами 10 статей из сборника П. П. Вяземского, in folio, № XVI).

¹⁰² Русская повесть XVII в., стр. 48—53.

¹⁰³ Пересказ его и отрывки приведены в статье Ф. Буслаева «Идеальные женские характеры древней Руси» (Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 246).

¹⁰⁴ БАН, 17.9.15 (Осн. 192), т. 1 об.

¹⁰⁵ Н. К. Гудзий. Сказание о явлении Унженского креста. — В кн.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, стр. 358.

¹⁰⁶ М. О. Скрипиль. Повесть о Марфе и Марии. — В кн.: Русская повесть XVII в., стр. 361.

¹⁰⁷ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, столб. 415.

¹⁰⁸ Возможно, что изучение всей рукописной традиции повести сообщит дополнительные сведения о личности ее автора. В описании одной из рукописей В. М. Ундольского (№ 411), содержащей повесть, Виктор отметил: «Соч. Каллистрата Осорина» (А. Виктор. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, столб. 284). Однако просмотр списка (рукопись была любезно осмотрена для нас Е. И. Скоп) показал, что в заглавии повести сведений об авторе нет, но имеется приписка, сделанная карандашом почерком XIX в., об авторстве: «Кар(па?) Осорина». Некоторые места списка (лл. 1—15) отмечены карандашом, причем таким образом, что